

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В НАЧАЛЕ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ (1990-е гг.)

Изучены предпосылки и процесс становления политического диалога РФ и ФРГ в последнее десятилетие XX в. Выявлено, что отношения между двумя странами обнаружили тенденцию к развитию, а роль их гаранта сыграли встречи Президента России Б.Н. Ельцина и Федерального канцлера Германии Г. Коля, однако разногласия по ряду ключевых внешнеполитических вопросов, а также внутренняя нестабильность в России не позволили полностью реализовать потенциал двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Германия, политический диалог, постбиполярная эпоха, интересы, внешняя политика, Б.Н. Ельцин, Г. Коль, великая держава, НАТО, Европейский союз.

События 1990 г. – принятие Декларации о государственном суверенитете России (12 июня) и объединение Германии (3 октября) явились отправными точками нового периода в отношениях между названными странами. Первые шаги навстречу друг другу им пришлось делать на фоне кризиса перестройки в СССР и процесса распада его единого пространства.

Германское руководство, в решающей степени обязанное объединением своей страны уступчивой позиции советского президента М.С. Горбачева на переговорах по формуле «2+4», до последнего момента заявляло о лояльности его преобразованиям. Однако политические реалии способствовали коррекции курса правительства Германии. После краха Государственного комитета по чрезвычайному положению в августе 1991 г. началось обвальное разрушение государственных и партийных структур, цементирующих советское пространство, что отразилось в позиции Федерального канцлера Германии, вынужденного, по сути, вести двойную игру. С одной стороны, 4 сентября 1991 г., выступая в бундестаге, Г. Коль выразил солидарность с законным советским руководством в лице М.С. Горбачева [1]. С другой – правительство ФРГ постепенно смещало акценты в политике, сделав ставку на сотрудничество с республиканскими лидерами, среди которых особым влиянием обладал Президент РСФСР Б.Н. Ельцин.

21–23 ноября 1991 г. по приглашению Федерального канцлера состоялся его первый официальный визит в Германию, в ходе которого был обозначен круг вопросов, составивших в дальнейшем повестку дня российско-германского диалога. Главным итогом переговоров Г. Коля и Б.Н. Ельцина стало установление прямых двусторонних контактов, что было зафиксировано в их совместном заявлении [2]. По сути, подписание документа такого высокого уровня вывело диалог между ФРГ и Россией в один ряд с германо-советскими отношениями, поскольку Г. Коль и М.С. Горбачев поставили свои подписи под аналогичным соглашением в июне 1989 г. [3, с. 31–36].

Решение республиканских лидеров России, Украины и Белоруссии о роспуске СССР, принятое 8 декабря 1991 г., не вызвало протестов со стороны официального Бонна. Более того, Германия первой из развитых западных стран признала Российскую Федерацию продолжателем СССР и установила с ней дипломатические отношения. 26 декабря 1991 г. германский посол в Москве К. Блех передал в Министерство иностранных дел России соответствующее послание Президента ФРГ В. фон Вайцзеккера.

С этого момента исчезли последние юридические препятствия, формально сдерживавшие отношения между Россией и Германией, а также их лидерами. В то же время следует учитывать, что новый мировой порядок принципиально изменил статус обеих стран на международной арене.

В период биполярного мира предшественник РФ, Советский Союз, являлся одной из двух сверхдержав, а ФРГ – всего лишь государством с фактически ограниченным суверенитетом, отягощенным проблемами восстановления единства и обеспечения национальной безопасности в условиях глобального противостояния социалистического и капиталистического лагерей. С вступлением мира в постбиполярную эпоху Россия выбыла из числа сверхдержав, однако по ряду параметров, в том числе по обладанию ядерным оружием, большим запасом полезных ископаемых, местом постоянного члена Совета Безопасности ООН, ее можно было считать великой державой. Вместе с тем она, будучи с юридической точки зрения продолжателем СССР, была существенно ослаблена вследствие потери более 5 млн кв км территории, удобных выходов к Балтийскому и Черному морям, прямых сухопутных путей к Центральной и Западной Европе [4, с. 132]. С разрушением Советского Союза Россия географически сдвинулась на восток, а ее влияние в странах Восточной Европы упало до минимальной отметки.

В свою очередь, Германия принадлежала к числу немногих стран, потенциал которых в ходе международных событий конца 80 – начала 90-х гг. XX в. значительно увеличился. Благодаря объединению она расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии).

К этому добавлялись такие важные конкурентные преимущества, как высокий уровень образования и материальное благополучие населения, сравнительно благоприятная окружающая среда, распространенность немецкого языка, прежде всего в государствах Восточной и Центральной Европы.

Вместе с тем Германии не удалось полностью освободиться от груза последствий Второй мировой и холодной войн. Она не располагала ни собственным ядерным оружием, ни местом постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Перемены в положении двух стран на мировой арене детерминировали характер их взаимосвязей. России пришлось смириться с потерей прежних преимуществ и приступить к строительству отношений с Германией как с державой, восстановившей государственную целостность и суверенитет в полном объеме.

Обретя новый международный статус, Россия и Германия оказались отягощены общей проблемой поиска своего места в постбиполярной системе мирового порядка. Ведущей чертой новой конструкции международной системы стала монополярность со свойственным ей безусловным превосходством одной страны над другими членами мирового сообщества во всех сферах, прежде всего экономической и военно-политической. Единственная сверхдержава в лице США обрела весомое преимущество над остальными субъектами международных отношений по таким параметрам, как мощь промышленного потенциала, эффективность управления военным комплексом, его оперативная способность к качественному совершенствованию оборонного и наступательного потенциалов, обретение большой степени свободы при определении географии применения вооруженных сил, причем не только своих, но и союзников [5].

В этих условиях интересы РФ и ФРГ состояли в том, чтобы, максимально эффективно используя собственные возможности, приспособиться к переменам и в сжатые сроки занять место на мировой арене, в наибольшей степени соответствующее их статусу.

Ревизия и последующая оценка имеющихся ресурсов растянулась на несколько лет, что предопределило осторожное поведение обеих стран на международной арене. Так, в период пребывания у власти правительства ХДС/ХСС-СвДП (1991–1998), особенно в первые годы после объединения, внешнеполитический курс Германии в основном характеризовался сдержанностью, что, по словам президента Международного банка реконструкции и развития Р. Целлика, было «неудивительно для народа, который так долго жил на самом переднем фронте холодной войны и который еще должен бороться с грузом объединения» [6].

Политика ФРГ в 1990-е гг. определялась стремлением доказать международному сообществу и своим собственным гражданам «нормальность» страны и ее избранного курса. При этом нормальность трактовалась как приверженность общегуманистическим либерально-демократическим ценностям, реализуемая исключительно в рамках западных союзов при строгом соблюдении норм международного права [7].

Германии удалось найти и занять достойное место на мировой арене, взяв на вооружение оптимальную стратегию, использующую такие инструменты, как: миролюбивые заявления официальных лиц по внешнеполитическим вопросам; активное участие в многосторонних международных организациях; всемерное укрепление этих структур, особенно в контексте повышения веса ФРГ в них; строгое соблюдение союз-

нических обязательств в отношении Североатлантического альянса и отдельно США.

Что касается Российской Федерации, то поиск ею эффективной внешнеполитической линии затянулся. Это можно было объяснить серьезными расхождениями между ее собственными амбициями и ожиданиями как великой державы, с одной стороны, и постепенным сокращением имеющихся ресурсов и влияния на мировой арене – с другой. Ситуацию усугубляло отсутствие консенсуса в российской элите по поводу стратегических целей и средств в области внешней политики. Это, в свою очередь, наносило ее интересам ущерб и невыгодно отличало РФ от Германии, где в течение нескольких десятилетий сложился партийный консенсус по внешнеполитическим вопросам.

Геополитические реалии 1990-х гг. вызвали к жизни противоположные тенденции в российско-германских отношениях, что нашло отражение как в центробежных (разъединительных), так и центростремительных (объединяющих) моментах.

ФРГ являлась неотъемлемым элементом Североатлантического альянса, оказывающим большое влияние на его стратегический курс и тактические действия. Руководствуясь партнерскими обязательствами и собственными интересами, официальный Бонн, безусловно, поддерживал шаги, направленные на расширение НАТО на восток, что в известной мере способствовало нарастанию угрозы национальной безопасности РФ.

Одновременно германская сторона осознавала невозможность обеспечения безопасности и стабильности в Европе без Российской Федерации, выступая в пользу ее максимальной интеграции в крупные многосторонние организации, формировавшие трансатлантическое и европейское пространства [8].

Такая позиция ФРГ представляется весьма спорной. С одной стороны, в 1990-е гг. глобальные и региональные международные организации действительно стали ключевыми акторами мировой политики, деятельность которых позволила смягчить жесткость монополярной системы, а также взять на себя функции предотвращения и урегулирования конфликтов в рамках регионального пространства. В данном контексте включенность страны в крупные многосторонние организации можно было рассматривать как один из эффективных механизмов реализации ее национальных интересов.

Вместе с тем положение державы в таких организациях зависело от ее уровня развития и статуса в мире. В связи с падением веса России на мировой арене ее влияние на решение вопросов международной жизни серьезно снизилось. «Многосторонние механизмы поддержания мира и безопасности как на глобальном (ООН), так

и на региональном уровне (ОБСЕ, СНГ) все еще недостаточно сильны, – полагал Президент РФ Б.Н. Ельцин, – вследствие чего использование этих механизмов носит ограниченный характер и не может являться гарантией интересов национальной безопасности России» [9]. В связи с этим в 1990-е гг. внешняя политика РФ осуществлялась преимущественно в традиционном русле, отдавая приоритет двусторонним отношениям с развитыми державами. В их рамках Москва стремилась использовать личные связи между лидерами государств, что применялось ею со времен перестройки.

Германия же являла собой пример страны, которая после поражения во Второй мировой войне сумела добиться «мира, свободы и благосостояния в решающей степени благодаря политической и экономической интеграции со своими европейскими и трансатлантическими партнерами» [10]. В связи с этим она расставляла приоритеты по-иному. Залогом позитивных отношений с Россией Бонн считал формирование устойчивых связей внутри сильных Евросоюза и НАТО, а также укрепление диалога с США.

В 1990-е гг. в отношениях между РФ и ФРГ действовали также интеграционные факторы. В силу своего расположения в центре европейского континента Германия являлась для России стратегически важным партнером. Учитывая ее глубокую вовлеченность в западные союзы, Москва надеялась с помощью Бонна обеспечить собственную интеграцию в единое региональное пространство, что, по ее мнению, открывало перспективы активизации участия международного капитала в реформировании экономики России.

Германия признавала принципиальную невозможность обеспечения на долгосрочную перспективу безопасности и стабильности в Европе без Российской Федерации. Кроме того, официальному Бонну приходилось учитывать, что граждане бывшего Советского Союза составляли весомую часть электората ФРГ. Так, выезд немцев и членов их семей с территории бывшего СССР в Германию возрос со 147,3 тыс. в 1991 г. до 195,6 тыс. в 1992 г., достигнув максимума в 1994 г. (213,2 тыс. чел.) [11].

Наибольшие шансы для развития контактов с РФ Германия связывала с Европейским союзом, что объяснялось традиционалистским подходом России к определению угроз своей национальной безопасности. На первый план в спектре таких угроз Москва привычно ставила военно-политический фактор. В связи с этим Североатлантический альянс рассматривался Россией в качестве реальной угрозы, а Евросоюз представлял в виде политико-экономической организации, существование которой не угрожает Российскому государству. Европейский союз явился первым западным альян-

сом, на контакты с которым пошла Москва. 9 декабря 1993 г. в Брюсселе была принята совместная политическая декларация о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, а в 1994 г. они заключили Соглашение о партнерстве и сотрудничестве [12].

Особенно важной стала приверженность обеих сторон принципу невмешательства во внутренние дела друг друга. Так, германские официальные лица неоднократно подчеркивали, что Россия сама должна разработать модель устойчивого развития, которая позволит ей совместить собственные традиции с ценностями, объединяющими ее с западным миром: свободой, принципами правового государства, демократией и рыночной экономикой. В то же время официальной позицией Германии стало проведение линии на вовлечение России в сферу политики безопасности. ФРГ отдавала себе отчет в том, что цель этого вовлечения может быть реализована только в том случае, если российские лидеры возьмут курс на сближение с Западом и также будут придерживаться реалистической политики, а действия России окажутся под контролем западных держав.

Взаимная заинтересованность настоятельно требовала от РФ и ФРГ нащупать точки соприкосновения и взять курс на обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Это способствовало формированию механизма политического взаимодействия между двумя странами.

Основным инструментом и главным гарантом стабильности российско-германского политического диалога в 1990-е гг. стали регулярные встречи Президента РФ и Федерального канцлера ФРГ. Значение политического диалога на высшем уровне обуславливалось юридическими основаниями. Согласно Конституции РФ 1993 г., президент определял основные направления внутренней и внешней политики (п. 3 ст. 80), а также как глава государства представлял Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (п. 4 ст. 80) [13, с. 33]. В ст. 65 Основного закона ФРГ указывалось, что Федеральный канцлер «определяет основные направления политики и несет за это ответственность» [14, с. 200]. На первый взгляд, в статье отсутствовали конкретные указания на внешнеполитическую сферу. Однако, в соответствии с п. 1 Регламента федерального правительства ФРГ, речь шла о директивах как внутренней, так и внешней политики [15].

Правовые основания были подкреплены ходом событий. Исторически сложилось, что российское направление во внешней политике Германии курировалось двумя государственными структурами: канцелярией Федерального канцлера и Министерством иностранных дел [16]. Со вступлением на пост главы правительства Г. Коля произош-

ло негласное перераспределение сфер влияния, и центр принятия решений в отношении Российской Федерации сдвинулся в сторону Федерального канцлера и его канцелярии [17].

В свою очередь, российский президент уделял повышенное внимание Германии и стремился в известной степени персонифицировать диалог, укрепляя личную дружбу с федеральным канцлером. Это позволило поставить на постоянную основу процесс обмена мнениями по всему спектру актуальных российско-германских проблем.

Уже в первой половине 1990-х гг. был осуществлен прорыв в развитии договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества. Так, в ходе официального визита Федерального канцлера Г. Коля в Москву 14–16 декабря 1992 г. состоялось подписание нескольких документов, в том числе нового совместного заявления, Соглашения о культурном сотрудничестве, Договора об уходе за военными захоронениями в Германии и России, Договора о сотрудничестве и взаимной поддержке между таможенными службами.

Новым совместным заявлением был охвачен обширный спектр вопросов двусторонних отношений. Приоритет был отдан экономическому сотрудничеству, где ставку предполагалось сделать на такие новые формы экономического сотрудничества, как совместные предприятия, взаимные прямые инвестиции, лизинг, компенсационные сделки.

Российская сторона взяла на себя обязательство предпринять меры по ускорению вывода Западной группы войск (далее – ЗГВ) с территории бывшей ГДР и закончить его к 31 августа 1994 г. Были подтверждены финансовые обязательства ФРГ в связи с выводом российских военнослужащих. Германская сторона дополнительно предоставляла Москве сумму в 500 млн немецких марок в качестве взноса для обустройства возвращающихся в Россию войск. Стороны оговорили, что часть этих средств может быть использована для того, чтобы закупить в восточных землях ФРГ оборудование для строительства жилья, материалы и другие товары, необходимые для обустройства военнослужащих и членов их семей. Было выработано «нулевое решение» по взаимным претензиям: с российской стороны – на недвижимое имущество ЗГВ, а с германской – на возмещение ущерба природной среде в местах дислокации войск.

ФРГ реализовала жилищную программу по обустройству в России военнослужащих ЗГВ, оказала содействие переподготовке увольняемых российских военнослужащих на гражданские специальности.

Особое значение с гуманитарной точки зрения носила ст. 6 совместного заявления, в которой Германия подтвердила свою го-

товность к выплате компенсации лицам, подвергшимся наибольшим страданиям вследствие национал-социалистских преследований. На основе уже имеющихся договоренностей она выразила готовность предоставить на эти цели сумму в 1 млрд немецких марок в распоряжение РФ, Республики Беларусь и Украины [18].

Россия получила от ФРГ многомиллиардную гуманитарную помощь, льготные кредиты для поддержки рыночных преобразований, малого и среднего бизнеса.

В Германии была неоднозначно воспринята победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах в 1996 г. Небольшая часть либеральных политиков и экспертов расценили ее в качестве решающей предпосылки окончательного прорыва России к демократии и рыночной экономике, что, в свою очередь, рассматривалось как решающее условие российской интеграции с Западом. К тому же, как, например, полагал профессор Гамбургского университета О. Лухтерхандт, Российская Федерация обладала серьезными запасами внутренней прочности, одним из которых он считал непрерывное перераспределение властных полномочий с федерального уровня в регионы, чей экономический вес постоянно увеличивался. «Стабильность как раз объясняется тем, что оппозиция (коммунисты и националисты) в силу регионализации власти получает в ней широкое участие и не образует политическую контрэлиту», – писал Лухтерхандт [19].

Однако большинство аналитиков не спешили с оптимистическими выводами. К середине 1990-х гг. в ФРГ стали нарастать скептические нотки в отношении демократических перспектив РФ. С германской стороны было заявлено о возрождении российского политического мышления в духе советских экспансионистских традиций. «Элита России соизмеряет стабильность и величие с владением территориями, а не с внутренней модернизацией», – с тревогой констатировали политологи А. Пар и И. Краузе [20].

Кроме того, не способствовали укреплению доверия постоянные болезни президента Ельцина и кадровая чехарда в правительстве, характерная для его второго срока.

Все же российско-германский диалог во второй половине 1990-х гг. продолжал поступательное развитие. Стороны обратили внимание на то, что чрезмерная персонализация объективно являлась устаревшей и в перспективе могла создать препятствия на пути развертывания двусторонних отношений после смены руководства в Кремле. Для укрепления отношений политический диалог необходимо было поставить на более твердое институциональное основание.

К тому времени уже появились прецеденты расширения институциональной ба-

зы, на которой строился диалог России с западными странами. Примером для подражания выступала американо-российская комиссия Гора – Черномырдина¹, действовавшая в качестве центра, координирующего разнообразные сферы двусторонних отношений, включая экономические, политические, военные проблемы, энергетические вопросы, область безопасности.

Германо-российская повестка дня не уступала по насыщенности диалогу США и РФ. Между Бонном и Москвой развивались интересные проекты, например совместное производство военного самолета Ан-70, активизировались сотрудничество в снабжении немецких предприятий природным газом и кооперация в борьбе с преступностью. Взаимопомощь оказывалась в таких сферах, как борьба с контрабандой, трансфертом наркотиков, распространением ядерных материалов, нелегальной миграцией и международным терроризмом.

Расширение взаимодействия двух стран вызвало к жизни новый координационный институт – комиссию Ельцина – Коля, которая была создана в ходе визита президента РФ в Бонн (8–9 июня 1998 г.). С этого момента двусторонние встречи приобрели статус межгосударственных консультаций России и Германии на высшем уровне. Их значение следует рассматривать с двух позиций: прежде всего они были призваны определять стратегические цели развития двустороннего сотрудничества по отдельным направлениям, а также способствовать выходу сторон на договоренности по конкретным вопросам, в связи с чем в этих встречах участвовала большая группа министров с обеих сторон. Как правило, лидеры двух стран обсуждали на них наиболее неотложные проблемы международного характера, а затем заслушивали и одобряли предложения, выработанные на встречах министров. Такие консультации оказались весьма действенным инструментом расширения и углубления двустороннего партнерства, охватившего практически все важнейшие области сотрудничества.

Выступая 9 июня 1998 г. в Бонне на совместной пресс-конференции по случаю окончания двусторонних консультаций, Федеральный канцлер Г. Коль подчеркнул, что «это первая германо-российская встреча в новом формате» [21].

Наметившуюся положительную тенденцию в диалоге Москвы и Бонна прервали события конца лета – осени 1998 г., а именно дефолт и сопровождавший его политический кризис в РФ. Они в значительной степени способствовали переосмыслению немецкой стороной успехов преобразований в России. Главный редактор немецкого журнала «Internationale Politik» В. Вайденфельд писал о системности кризиса, поскольку «нерешенные вопросы переходного периода

и ошибки трансформации оказались тесно переплетены с проблемами экономической структуры, политики и политической культуры». Было точно подмечено, что реформаторам не удалось учредить парламентскую демократию, создать отрегулированные общие условия для перехода к рыночной экономике, построить эффективные промышленные предприятия, развить малый и средний бизнес. «Население чувствует себя проигравшим и потеряло доверие к политическому руководству страны», – констатировал Вайденфельд [22].

В этот период преобладающей стала точка зрения, что немецкая помощь может способствовать российским реформам в ограниченном масштабе и только в качестве вспомогательной меры. Германская сторона не расценивала РФ более как противника, но еще не считала ее партнером, полагая, что возврат к соперничеству между Востоком и Западом не исключен. ФРГ должна давать России стимулы для партнерства, не допуская ее самоизоляции, однако при этом продвигать собственные интересы. Была выведена формула отношений Германии с РФ, в наибольшей степени отвечающая немецким интересам: «Стратегия в отношении России = соблюдение интересов Германии + понятая российская точка зрения + акцент на постоянной готовности к сотрудничеству» [23].

Однако в рассуждениях представителей германской стороны появились тревожные для России нотки. Стали дезавуироваться утверждения о невозможности построить европейское пространство без участия РФ, характерные для первой половины 1990-х гг. Бывший министр экономики ФРГ О. фон Ламбсдорфф считал, что «в крайнем случае можно обойтись без нее» [24].

Таким образом, политический диалог РФ и ФРГ в начале постбиполярной эпохи отличался противоречивостью. Стремлению стран к активизации двусторонних отношений противостояли различный исторический опыт, разногласия по вопросу расширения НАТО на восток, а также внутренние проблемы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ А. Гор – вице-президент США, В.С. Черномырдин – председатель правительства РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Горбачев М. С. Как это было: объединение Германии. URL: <http://lib.rus.ec/b/74187/read> (дата обращения: 22.07.2011).
- [2] О российско-германских отношениях. URL: <http://premier.gov.ru/visits/world/13103/info/13106> (дата обращения: 22.07.2011).
- [3] Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева в ФРГ, 12–15 июня 1989 г. :

- документы и материалы. М. : Политиздат, 1989. 127 с.
- [4] *Нартов Н. А.* Геополитика : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 359 с.
 - [5] Подробнее см.: *Цыганков П. А.* Теория международных отношений : учебное пособие. М. : Гардарики, 2003. 590 с.
 - [6] *Zoellick R. B.* Abschied von der Selbstbeschränkung. Deutsche Außenpolitik aus Sicht der USA // Internationale Politik. 1998. №12. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/dezember1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
 - [7] О проблеме «нормальности» Германии см., напр.: *Gross J.* Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. 176 s. ; *Habermas J.* Die Normalität einer Berliner Republik. Kleine Politische Schriften VIII. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995. 188 s. ; *Geißler H.* Der Irrweg des Nationalismus. Weinheim: Beltz Athenäum, 1995. 111 s.
 - [8] *Kinkel K.* Partner im Wandel. Deutsche Außenpolitik und die GUS-Staaten // Internationale Politik. 1996. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1996/oktober1996/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
 - [9] Das Konzept der nationalen Sicherheit der Rußländischen Föderation, vorgelegt von Staatspräsident Boris Jelzin am 17 Dezember 1997 in Moskau // Internationale Politik. 1998. №10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009)
 - [10] Посольство Федеративной Республики Германия в Москве: многосторонние отношения // URL: http://www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/03/Multilaterale_Beziehungen/_Multilaterale_Beziehungen.html (дата обращения: 23.07.2011).
 - [11] Документы советского периода о немецкой автономии в Поволжье. URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/dekrety/11.htm> (дата обращения: 23.07.2011).
 - [12] Подробнее см.: *Ткаченко С.* Расширение ЕС и вопросы безопасности России // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / под ред. Д.В. Тренина; Московский Центр Карнеги. М. : S & P, 2000. 279 с.
 - [13] Конституция Российской Федерации. Н. Новгород, 2007. 61 с.
 - [14] Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. и со вступ. ст. Л. А. Окунькова. М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 816 с.
 - [15] Регламент Правительства от 11 мая 1951 г. с последующими изменениями и дополнениями. URL: <http://www.bundesregierung.de/purehtml/12560.430051/document.htm> (дата обращения: 21.07.2011) ; также см.: *Егорова М. О., Ялбулганов А. А.* Правовые основы деятельности Правительства ФРГ // Правоведение. 2006. № 5. С. 205–215.
 - [16] См. : *Mauil H. W.* Quo vadis, Germania? Aussenpolitik in einer Zeit des Wandels // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. №10. S. 1245–1256 ; *Hacke Chr.* Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen. Berlin, 1997. S.13–18.
 - [17] См.: *Manlow Ph.* Informalisierung und Parteipolitisierung – Zum Wandel exekutiver Entschei-

- dungsprozesse in der Bundesrepublik // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 1996. № 1. S. 96–107.
- [18] Совместное российско-германское заявление (подписано в г. Москве 16.12.1992). URL: <http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt10385.shtml> (дата обращения: 23.07.2011).
- [19] *Luchterhandt O.* Integration oder Separation. Bricht das «große Reich Rußland» auseinander? // Internationale Politik. 1996. № 1. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1996/januar1996/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [20] Цит. по: Rußland – ein abgeschriebener Partner? / Buchkritik von D. Bingen // Internationale Politik. 1995. № 11. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1995/november1995/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [21] Pressekonferenz des deutschen Bundeskanzlers, Helmut Kohl, und des russischen Staatspräsidenten, Boris Jelzin, zum Abschluß der deutsch-russischen Konsultationen am 9. Juni 1998 in Bonn // Internationale Politik. 1998. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [22] *Weidenfeld W.* Rußland in der Krise // Internationale Politik. 1998. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [23] *Lambsdorff O. von.* Eine stabile Instabilität. Russische Wirtschaftskrise und deutsche Politik // Internationale Politik. 1997. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1997/oktober1997/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [24] Ibid.